

джану-Геря. Между прочим, современники румынского критика отдавали ему должное и признавали его роль в распространении русской литературы у нас в стране. Характерно, например, следующее высказывание: «У г-на Гери есть еще одна заслуга. Он открыл нам глаза на русскую литературу. Его статьи были своеобразным откровением для университетской молодежи в те годы. До него мы были знакомы только с именем Пушкина: о Толстом, Достоевском, Тургеневе ничего не слыхали. Сегодня же мы знаем все их важнейшие произведения, которые были переведены и на французский язык...»¹.

Вообще пытаться объяснить такой могучий и своеобразный процесс, каким является утверждение русского романа в румынской литературной жизни конца 19 и начала 20 вв., только авторитетом одной личности и успехом одного, причем еще и зарубежного, а не отечественного произведения, будь даже и очень талантливое, значит остановиться на поверхности и отказаться от подлинно научного рассмотрения вопроса. Объяснение этого процесса следует искать в более глубоких причинах, коренящихся, с одной стороны, в неотъемлемых и своеобразных чертах самих русских романов и повестей с другой, в исторических условиях румынской жизни на данном этапе.

Русский роман привлек внимание румынской общественности и, в первую очередь, передовых кругов, в силу тех достоинств, которые заслужили восхищение им и западноевропейского читателя: правдивость, передовые социальные идеалы, гуманизм, утверждаемые в художественной форме, отличающейся совершенством. В выражениях, близко напоминающих известные слова Ромэна Роллана и Проспера Меримэ о влиянии гуманизма и правды русской литературы на французскую, говорил, вспоминая свою молодость, и Михаил Садовяну. Он подчеркивал «ту духовную радость, которую он познал от приобщения к великой русской литературе», от чтения «Достоевского и Толстого, Гоголя и Тургенева, Пушкина и Лермонтова, Щедрина и молодого, начинающего Горького...».

«В серенькой жизни без перспектив и без моральных тревог, — писал наш классик, — в которой пребывало румынское общество тех лет, эти произведения были медленным, укрепляющим и благотворным лекарством. Оно было нам необходимо в условиях, в которых мир, разьедаемый недугами, шёл неминуемо к великим преобразованиям века»².

Об альтруизме русской литературы, о ее «теплом и глубоком сострадании к мукам 80 миллионного народа»³, говорил и передовой литературный критик Райку Ионеску-Рион, а Николае Йорга указывал на «гуманность Тургенева, объективность Толстого, сострадание Достоевского к различным мукам и нуждам человечества...»⁴ Восхищение

¹ «Convorbiri critice», 1909, 25.IX, стр. 715—716.

² MIHAIL SADOVEANU, *Evocări*, București, E.S.P.L.A., 1954, стр. 183—184.

³ RAICU IONESCU-RION, *Literaturile decadente (1894)*, в томе *Culegeri de articole*, București, E.S.P.L.A., 1951 стр. 106—107.

⁴ *Цит. рад.*